

По окончании 2-й Мировой войны, с лета 1945 г. мастер поселился и продолжил свой творческий путь в Варшаве. Последние годы жизни он провел, освещая картину разрухи, а также красоту польской столицы, того, что уцелело. Отправляясь в тяжелых послевоенных условиях на открытом автомобиле в многочисленные поездки, он сохранил на своих снимках образ западных и северных земель Польши. На протяжении неполных шести лет вместе с сыном Янушем он выполнил около 8 тысяч снимков. В 1946 г. участвовал в организации Союза польских художников-фотографов и какое-то время был его первым президентом и председателем квалификационной комиссии.

4 февраля 1950 г. Яна Булгака не стало. Его наследие – это легенда, ученики и достижения в искусстве, немного забытые и вновь открываемые на протяжении последующих лет.

С 1971 по 1989 г. в Минске проводилась серия выставок фотографий под названием «Фотографика». Шесть выставок «Фотографики», на которых экспонировались только художественные работы (для Советского Союза случай небывалый!), выдержали испытание временем и определили, по крайней мере, минский вектор в развитии фотографии. Целое поколение белорусских фотографов из Минска, Могилева, Витебска, Гродно, Борисова, Лиды, Гомеля прошло через эти выставки. Для многих выставки «Фотографики» послужили толчком для увлечения фотографией [2].

В советской Белоруссии имя Булгака не было под запретом. Его гуманизм, фотографический романтизм его работ, его неполитизированная публицистика, прекрасная семья не давали поводов для этого. Но и полного умолчания было достаточно, чтобы о нем никто и ничего не знал. Еще в 1993 г. в Национальной библиотеке Беларуси о Булгаке можно было прочитать только в польской энциклопедии, что он – фотограф-этнограф, что у него много работ, в том числе о белорусах, и много медалей за эти работы.

К счастью, сегодня творческое наследие Яна Булгака знакомо многим белорусским деятелям культуры, науки, фотографам как профессиональным, так и любителям. Этому способствовал ряд мероприятий, предпринятых совместно государственными структурами и общественными организациями. Так, осенью 2001 г. в Гродненской области прошел Международный фотопленэр «Беларускі шлях Яна Булгака», приуроченный к его 125-летию. В нем приняли участие польские, литовские и белорусские фотографы. Он прошел на Новогрудчине: в Новогрудке, Велевке, поглотившей очень родные Булгаку Миратичи, на Свитязи, в Мире, Несвиже, Заосье, Щорсах. Организатором фотопленэра стала администрация Гродненской области, а движущей силой – фотоклубы Гродно и Минска. По результатам пленэра состоялась большая выставка, которая была показана в Гродно, Минске, Варшаве, Кельцах, Новогрудке. В честь юбилея мастера были изготовлены памятная именная медаль и конверт с маркой и спецгашением Белпочты. Был издан каталог выставки.

В 2004 году издательство «Беларусь» выпустило книгу «Край дзіцячых гадоў». Книга открыла для белорусов второй талант Булгака – талант литератора. Издание щедро иллюстрировано фотографиями автора (около ста работ).

Каждая новая находка, новое открытие возвращают Яна Булгака из забвения в белорусскую фотографию, в белорусскую культуру. Из несколько упрощенного статуса фотографа-этнографа он занял более соответствующее ему место фотографа-романтика, яростного проповедника творческой фотографии.

В заключение, приводим выдержку из автобиографической книги Яна Булгака «Край дзіцячых гадоў», которая может стать лейтмотивом работ любого художника, фотографа: «Самые красивые картины природы кажутся холодными и сухими, пока мы не установим с ними некую чувственную близость... ибо никогда природа не бывает такой прекрасной, как ее отражение в человеческой душе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгак, Я. Край дзіцячых гадоў / Пераклад з польскай мовы Т. Г. Вяршыцкай. — Мінск: Беларусь, 2004. — 415 с.
2. Казюля, Я. Дарогамі Яна Булгака // Голас Радзімы. 2000. 13 снеж. (№ 50). С. 5; 20 снеж. (№ 51). С. 5.
3. Парфянок, У. Ян Булгак, легенда трох краін // Мастацтва. 2001. № 9. С. 37—44.
4. <http://nsys.by/newtown/bulhak>.

ВАВРЕНЮК И.И.

Преподаватель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДЕ БРЕСТЕ В 1921 - 1939 ГГ.

В истории Западной Беларуси малоизучен вопрос исторической застройки городов в межвоенный период. В 1921 – 1939 гг. согласно условиям Рижского мирного договора город Брест (Брест – над – Бугом) находился в составе Польского государства. Историческая застройка и архитектура города были обусловлены политическими, социально-экономическими, культурными факторами. В этот период сохранились тенденции строительства в общероссийском направлении, существовавшие в довоенный период, но в то же время проявились тенденции следования общим направлениям архитектуры Польши. Объективной причиной этого явления была необходимость решения в первую очередь проблем восстановления города, налаживания коммуникаций и инфраструктуры, устройства жилого фонда.

К 1921 г. в Бресте было уничтожено около 2 500 домов из 3 670 и 1 500 изб из 1 700 (общей площадью 900 000 м.кв.), а также все фабрики и заводы, находящиеся на территории города [1]. Польские власти, войдя в город, получили руины, примитивные строения без коммуникативных артерий, являющихся необходимой составной частью большого города, которым, без сомнения, являлся Брест [2]. Первоочередной задачей являлось восстановление города. Её решением власти занимались на протяжении 1921-1927 гг. Была создана специальная комиссия по восстановлению города во главе с президентом Бреста-над-Бугом Т. Калуном. Особое внимание польские власти уделяли строительству жилых домов, на что магистрат Бреста – над - Бугом выделял по заявлениям жителей ссуды. Так, в 1927 г. на восстановление жилого фонда магистрат Бреста – над - Бугом выделил 86 жителям деньги на общую сумму 1 049 040 злотых [3]. Начальник окружной дирекции общественных работ, выступая против застройки деревянными домами города, объявил одной из задач дирекции создание красивого и благоустроенного центра города. По его мнению, застройка центра должна была быть каменной (2-х и более этажной), а все дома должны были иметь «культуральные приспособления» [4]. Если у застройщика не было средств на строительство такого дома и он не хотел брать ссуду, то он мог строить деревянный дом на каменном фундаменте, а со временем обложить его кирпичом. Кроме этого, глава окружной дирекции общественных работ подчеркнул, что в городе есть необходимость построить районы блочных домов для интеллигенции и чиновников. С 1925 г. преимущественно получением ссуд пользовались именно такие застройщики [5]. В целом по городу предпочтение отдавалось строительству 1-, 2- этажных каменных домов [6].

К 1926 г. в Бресте – над - Бугом было построено 4 жилых комплекса (колонии) (служебная колония «Тартак» (3 деревянных дома), служебная колония «Тартак» (20 деревянных зданий), служебная колония «Каменная» (21 каменное здание), служебная колония «Схрониско» (2 каменных и 12 деревянных зданий)⁷. Дома строились по типовым проектам польских архитекторов. При застройке ул. Пулавского использовались проекты знаменитого архитектора Ю. Лисецкого. Застройка была представлена домами с мансардными этажами на одну или две семьи в «народовом» стиле. Все здания колоний для чиновников строились за государственные деньги. В оформлении зданий использовалась художественнаяковка (решётки, ограждения, декоративные элементы и др.). В архитектурном облике также использовались стилизованные элементы готики и барокко.

Фасады жилых зданий центральной части города были декорированы металлическим кружевом козырьков, балконов и ограждений. Жилые здания зачастую были экономически ориентированы (использовались для ремесла, торговли и т.п.), отличались следующими особенностями: имели подвалы (они служили складскими помещениями, погребями), полуподземный цокольный этаж (где находились лавки, магазины, ремесленные мастерские и т.п.), жилые помещения (зачастую делились по цели использования на две части – для владельца и для сдачи внаём).

Если в центре города преобладали 1-, 2-х этажные кирпичные здания, то на окраинах строились в основном деревянные одноэтажные дома сельского типа. Частным застройщикам предместий выделяли по необходимости ссуды в размере 1 000 злотых. Если дом у них уже был, а необходимо было только построить печь, накрыть дом крышей и т.п. – дополнительно выделяли 500 злотых [8].

За средства мецената И. Вайнберга при поддержке «Джойнта» в 1920 – 1925 гг. для еврейских малоимущих семей была построена деревянная колония им. Ф.М. Варбурга на Киевском предместье [9]. Согласно проекту, колония состояла из 12 деревянных 2-х этажных домов и синагоги. Каждый дом делился на 6 - 8 квартир с отдельными входами, кухнями и верандами [10]. Колония представляла собой уникальный комплекс деревянного наследия.

В 1925 г. городские власти в санитарно-гигиенических, противопожарных целях разработали «Условия ремонта и строительства различных объектов». В документе оговаривались вопросы наклона крыш различных построек, материалы различных конструкций и т.п. В связи с тем, что застройка города была преимущественно деревянной и скученной, то были введены многие ограничения. Например, в противопожарных целях двери жилых домов с двух сторон должны были обиваться жостью [11]. Кроме вышеупомянутого документа, были разработаны «Санитарно-гигиенические правила устройства зданий». По мнению авторов документа, здание с точки зрения гигиены должно быть тёплым зимой и прохладным летом, достаточно осветлённым, сухим и чистым. Для того, чтобы проживание в доме не пошло во вред здоровью человека, строителям рекомендовали к использованию целый ряд строительных материалов [12]. Таким образом, можно сказать, что польские власти стремились не только обеспечить население жильём, но и сделать его комфортным и надёжным.

С 1924 г. было введено требование согласовывать проекты строительства любых зданий у городских властей, но это не всегда выполнялось. На значительной части города и к 1939 г. имелись большие пустоши, а районы города Киевка и Граевка застраивались зачастую стихийно. Планомерной застройки всех районов города не велось. В 1928 г. была создана комиссия по определению границ города, которая очертила границы города и сделала план. Согласно плану, к городу относились территории, ограниченные улицами Граевской, Мещанской, Госпитальной, Набережной, двумя улицами Граевского предместья (без названия) [13].

Финансирование решения жилищного вопроса в Бресте-над-Бугом проходило за счёт государственного бюджета, частных средств, благотворительных фондов и организаций. К 1927 г. в центре города было построено 730 каменных домов и 2530 деревянных изб. Планировалось ещё построить 1 770 домов к 1929 г. [14], но и к 1939 г. жилищный вопрос в городе не был решён.

Для нужд администрации города было приспособлено или построено 38 каменных зданий преимущественно в центральной части города [15] полесского воеводского управления, поветового староства, две биржи труда (государственная и окружная), пожарная станция, управления государственных акциз и монополий, охотничья станция, польский банк в стиле классицизма и др. На углу улиц Листовского и Переца располагалось здание Городского суда в стиле модерн. В городе находились и две тюрьмы – женская и мужская.

С целью благоустройства города польские власти предприняли следующие меры: упорядочили нумерацию домов и названия улиц; часть улиц заасфальтировали, уложили брусчатку, озеленили центр города; в центральной части города устроили сети ливневой и хозяйственно-бытовой канализации, а также центрального водоснабжения; построили электростанцию и др. Только в 1930 – 1932 гг. на улицах города по распоряжению магистрата было высажено 12 346 деревьев [16]. Город постепенно преображался.

Благодаря своему благоприятному геополитическому положению, полиэтничности и поликонфессиональности населения в городе были представлены различные культовые здания, которые являлись архитектурными доминантами Бреста над Бугом (более 30 зданий различных конфессий).

Наибольшее количество культовых зданий было у иудеев в силу их урбанизированности (в 1921 – 1931 гг. - 44 - 72,3% от общего числа жителей города) [17]. Особенностью архитектурного облика города было наличие в центральной части планировочной структуры города Большой (Главной) синагоги. Она являлась уникальным сооружением: внутри – прямоугольный объём, минимальный декор фасадов, шатровая крыша. Данные о планировке неоднозначны: одни исследователи считают, что это было восьмигранное в плане здание [18], другие – шестигранное [19]. Большая синагога в Бресте над Бугом была лишь одним из множества молитвенных иудейских домов и синагог города. В 1926 г. в городе насчитывалось 47 синагог и иудейских молитвенных домов (божниц) [20], в 1934 г. - Большая синагога и 29 божниц – «Зелёная», «Фишель», «Кобринская», «Новая», «Хайе - Одом», «Карлинер», «Слонимер», «Братство святое» и др [21]. Количество синагог и иудейских молитвенных домов изменялось под воздействием государственной политики Польского государства, пауперизации еврейского населения, антисемитизма и др. Располагались божницы преимущественно в центральной части города - по улицам Домбровской, Длинной, Листовского, Широкой, Тополёвой, Петровской, Николаевской, Госпитальной. Размещение божниц и синагог определялось расселением иудеев в определённых районах города, сложившееся исторически по мере переноса города с территории Старого города на 2 форштадта, диктовалось ритуальными традициями, определялось требованиями военных и гражданских властей, диктовалось материальными возможностями и духовными потребностями еврейской религиозной гмины города, демографическим развитием иудеев региона, наличием различных течений иудаизма. Территориальное обособление евреев диктовалось глубоко традиционным жизненным укладом евреев, их представлением о комфортности жизненного пространства и субботными законами зрува, не позволявшими преодолевать большие расстояния в праздник шаббат [22].

Архитектура божниц была разнообразной, что обуславливалось многими причинами: во-первых, влиянием различных культурных наследий, художественных стилей, получивших распространение на территории региона; во-вторых, влиянием различных религиозных течений; в-третьих, материальным достатком общины. Согласно ограничениям, которые налагались властями, синагоги и божницы не могли быть выше жилых домов и иметь богатый декор; они по большей части занимали «островное» положение в окружении значительно более низкой и бедной застройки. Согласно сохранившимся данным Государственного архива Брестской области [23] можно охарактеризовать их архитектуру следующим образом. Основную эстетическую нагрузку несли главные фасады зданий, боковые оставались аскетически простыми, практически без каких-бы то ни было элементов декора. Для архитектуры брестских божниц были характерны безбашенные постройки просторного объёма с высокой крышей сложной конфигурации. В божницах наблюдалось сочетание традиционных элементов синагогиального строительства с чертами гражданской архитектуры. Все божницы города принадлежали к так называемому общегражданскому типу. Они были практически растворены в рядовой застройке города. И только специфическая иудейская символика являлась композиционным акцентом здания, выделявшим его на фоне преобладавшей одно-, двух-, реже – трёхэтажной застройки города. Опознавательными знаками божниц стали каменные скрижали, венчающие главный фасад синагоги и ассоциирующиеся с образом горы Синай, на которой Моисей получил эти каменные таблички с десятью заповедями, а также шестиугольная звезда - Маген-Давид, которую часто водружали на шпиль купола или включали в оконный переплет витража, или как элемент портика [24].

В силу политики колонизации в межвоенный период в городе новых православных храмов не было возведено, но действовали ранее построенные. В Соборном переулке, на углу улиц Белостокской и Зигмунтовской, находилась православная церковь св. Симеона, которой принадлежало здание непосредственно церкви, построенное в XIX веке, и 10 жилых зданий. Православная церковь св. Николая находилась на пересечении Братского переуллка и улиц Домбровского, Мицкевича и Длинной [25].

Несколько зданий в городе принадлежало римско – католической парафии: 1) каменные костёл с плебанией на пересечении улиц Люблинской унии, 3 Мая, Сенкевича, Зигмунтовской; 2) каменные костёл и плебания по ул. Мещанской, 9; 3) каменные костёл и каплица по ул. Стецкевича, 20. Католические каплички (в основном, деревянные) были и при больницах, госпиталях города: городской по ул. Ягеллонской, 80; железнодорожной по ул. Мещанской, 76 [26].

Христиане – евангелисты построили себе деревянный молитвенный дом по ул. Собесского, 42 на 250 человек. На углу улиц Костюшки и Стецкевича, 64/28 работал на первом этаже двухэтажного дома молитвенный дом евангелистов – августинцев. Рада их костёла находилась по ул. Костюшки, 36 [27].

Благодаря особому геополитическому положению и культурным связям архитектура культовых построек 1921 – 1939 гг. города впитала черты различных архитектурных стилей: готики, неоготики, барокко, классицизма, неоклассицизма, эклектики, неорусского стиля и др.

Преимущественно в центральной части города располагались и промышленные предприятия города, что определялось расположением транспортных артерий и торгово-складских объектов. Они были сравнительно небольшими, что обуславливалось государственной политикой Польши [28]. Их количество постоянно изменялось: в 1923 г. – 13 (предприятие Государственной монополии спиртового производства по ул. Домбровского, 1; паровая мельница Ковартовских по ул. Собесского, 99; пивоваренный паровой завод «Корона» на железнодорожной станции Брест IV; лесопильный завод и паровая мельница по ул. Люблинской, 106 Михельсона Песаха; лесопильный паровой завод фирмы «Ласков» по ул. Зигмунтовской, 5; механизированная пекарня «Варшавянка» по ул. Собесского, 93; пекарня «Хубена» Станислава Хубена по ул. Стецкевича, 17; пекарня «Ленцкого» по ул. Мещанской, 8; пекарня «Каминского» по ул. Домбровского, 142 Соломона Каминского; пекарня «Рашкеса» Ёселя Рашкеса на пл. Пилсудского, 15; пекарня Глузмана Файвела Глузмана по ул. Белостокской, 4; масляной завод Лейбы Зайдмана по ул. Листовского, 64) [29]. В 1924 г. в городе было построено 2 бетонных завода (всего по Полесскому воеводству таких заводов было 9) [30]. В 1926 г. стали работать: в Церковном (Братском) переулке - фабрика «Медия», по ул. Мицкевича, 34 – фабрика «Рекорд», на ул. Николаевской, 27 – фабрика гильз для папирос, по ул. Люблинской унии – лесопилка «Возрождение Полесья» [31]. Кроме названной лесопилки, в городе в том же году работали ещё 5 аналогичных предприятий [32]. В «Списках промышленных предприятий на территории Брестского повета» за 1927 г. числится 25 промышленных предприятий (паровые мельницы, масляные фабрики, моторные мельницы, мастерские свечей и др.) [33]. В аналогичном документе за 1930 г. по городу числится всего 10 предприятий [34], что было обусловлено экономическим кризисом и планомерной политикой польских властей. Кроме вышеназванных предприятий, в городе работали: ватно-войлочная фабрика фирмы «Гельват», цехи по переработке шерсти, около 9 небольших типографий, механические мастерские фирмы «Рамо», железнодорожные мастерские, государственные мастерские, арендованные фирмой «Продукт» [35]. Также была построена Городская электростанция по ул. Садовой, 39. Чуть позже стали действовать железнодорожная электростанция на станции Брест-Центральный и Речная электростанция по ул. Ягеллонской, 137 [36].

Самыми крупными в городе были лесопильные заводы (от 25 до 80 рабочих), выпускавшие часть продукции на экспорт [37], а самыми распространёнными были мелкие предприятия, на которых работали 3-5 человек (зачастую включая и хозяина предприятия). В 1925 г. одних только пекарен по городу насчитывалось 81, причём 12 из них - для выпечки мацы [38]. Обыкновенные пекарни выпекали различные кондитерские изделия и отправляли их в разветвлённую сеть лавок, кондитерских, кофейных, ресторанов, чайных и отелей, расположенных в центре города.

На рынок производили продукцию и ремесленники различных профессий (портные, швеи, пекари, художники, столяры, парикмахеры и др.). В 1926 г. их в городе насчитывалось 510 [39]. Ремесленные мастерские находились преимущественно в центральной части города по улицам Домбровского, Стецкевича, 3-го Мая, Длинной и др. Зачастую сама мастерская занимала первый этаж или часть жилого дома.

Для культурного времяпровождения в городе действовали 6 кинотеатров: «Адриа», «Мираж», «Сарвера», «Железнодорожный огонёк», «Коалиция», «Железнодорожное» [40]. По ул. Ягеллонской работали бильярдные Саски и Гетля, по ул. Стецкевича – клуб Глейзера, в районе Сои – стадион [41]. Желаящие могли приятно провести время в ряде ресторанов, баров, кофейных, пивных. В 1926 г. в городе таких заведений было 19 (7 ресторанов, 6 кофейных, 5 кондитерских, 1 пивная) [42]. В 1927 г. открылись ещё 5 ресторанов, 11 пивных и корчма. Кондитерскими изделиями население города и гостей города обеспечивали 69 пекарен [43].

Улицы 3 Мая, Домбровского, Ягеллонская были «царством Меркурия», где, поблескивая витринами, манили к себе магазины. По ул. Ягеллонской в стиле классицизма были Торговые ряды, являвшиеся одними из крупнейших сооружений города.

В 1928 г. на месте разрушенного во время военных действий был построен новый Центральный вокзал. Фасады вокзала были выполнены в так называемом «стиле народовом». Это стиливое направление сочетало в себе черты ренессанса, барокко и традиционного польско-белорусско-литовского народного зодчества. Другая железнодорожная станция – Брест-Полесский – была намного скромнее [44]. Жители пользовались и услугами автобусной станции, которая была построена в 1931 г. [45]. Но большинство гостей в город приезжало по железной дороге. С Центрального вокзала в центр города можно было добраться через деревянный пешеходный мост, который соединял ул. Стецкевича и Граевское предместье, или на машине по ул. Люблинской унии. Приезжие останавливались в отелях либо меблированных комнатах, которых в городе в 1926 г. насчитывалось 13 [46].

Органично вписывались в застройку города медицинские здания. В 1921 г. в городе функционировали 3 больницы и 1 лечебница. Самая старейшая из них – Еврейская больница - была построена в 1860 г. на пожертвования еврейской

общественности [47]. Возглавляемая Иоффе И., больница отличалась своей оснащённостью: 19 палат для больных на 100 коек, операционная, родильный зал, 2 приёмных кабинета, врачебные кабинеты и единственный в городе кабинет рентгеноскопии [48]. Железнодорожная больница была построена в годы Первой мировой войны. Некоторое время она не работала и возобновила свою работу благодаря королеве Елизавете Бельгийской. В 1926 г. больница, включавшая 22 здания (3 больничных корпуса с хозяйственными помещениями, 2 дома для больничного персонала, склад, конюшня, прачечная, сторожка, морг с каплицей, оранжерея и др.), была отдана Полесскому управлению железной дороги [49]. В 1923 г. по Ягеллонской, 80 была открыта Городская больница, принадлежавшая Полесскому воеводскому отделу. В январе 1926 г. она была отдана в распоряжение магистрата. Больница включала 3 каменных и 4 деревянных постройки, 2 павильона для больных, отдельный корпус для инфекционных больных, здание для администрации больницы, хозяйственные постройки, сторожку, морг и капличку [50].

В 1926 г. была построена Полесская лечебница, которая была сравнительно небольшой и одновременно могла принять только 12 пациентов [51]. В городе также имелись и венерический, туберкулёзный, трахомный диспансеры [52], работали частные специалисты. Вторыми по значимости лечебными учреждениями являлись аптеки, которые не только продавали лекарства, но и оказывали медицинскую помощь. В 1921 – 1939 гг. в Бресте функционировало 8 аптек и 15 аптечных складов [53].

На территории города находились и кладбища: православное на Тришинском предместье, католическое по ул. 3 Мая, иудейское на Киевском предместье, военное.

Строительство жилых колоний и внедрение новых градостроительных концепций (планомерная застройка городского центра, присоединение новых районов, формирование нового административного центра и т.п.) привели к изменениям в планировочной структуре города. Город планомерно застраивался в юго-западном направлении. В целом развитие застройки центра Бреста проходило в достаточно разнообразных формах, что обусловило её некоторую бессистемность. В архитектуре Бреста этого периода были ярко выражены тенденции рационалистической направленности, что объяснялось влиянием западной художественной культуры. В 1920-е годы в постройках города преобладали элементы неоклассицизма, в основе которого лежали принципы симметрии, геометризма, уравновешенных объёмов, регулярности планировочных решений и традиционных декоративных форм. Образность и эмоциональность достигались за счёт выразительности и своеобразия пространственной композиции, оригинального декоративного насыщения.

Здания, возводимые в 1921-1939 гг., не имели общей архитектурной направленности. Доминировали стили неоклассицизма и модерна, а позднее - функционализма, существовали и различные эклектичные течения. Сосуществование различных архитектурных направлений разнообразило средства художественной выразительности зданий города. Однако существовал некоторый распад стилевого единства, что обуславливало существование различных эклектических течений. В 1930-е годы проявления этих тенденций выливаются в абсолютное доминирование в архитектуре жилых и общественных зданий конструктивизма (функционализма), который оказал существенное влияние и на принципы организации городского пространства. Польские архитекторы, опираясь на национальные традиции, использовали в своём творчестве новаторские идеи и опыт ведущих европейских теоретиков и проектировщиков (Говарда, Ле Корбюзье, Гропиуса и др.) [54].

Необходимо отметить, что сохранившиеся элементы исторической застройки города Бреста 1921-1939 гг. являются памятниками градостроительства и архитектуры первой половины XX в. и в случае их реставрации могут быть использованы в туристической, краеведческой, педагогической, научной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 864. – Л. 3.
2. Срока, Е. В Бресте – над - Бугом. С минувших лет / Е.В. Срока // Слово Подлесья. - 1993. - № 15. - С. 11.
3. Вавренюк, И.И. Восстановительные работы в Бресте –над -Бугом (1921-1939гг.) / И.И. Вавренюк // Актуальные проблемы современной науки и образования. Исторические науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. III.- Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. - С. 269 - 274.
4. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 604. - Л. 2.
5. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 5. - Д. 616. - Л. 3.
6. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1585. - Л. 16.
7. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 89. - Л. 63-64.
8. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 5. – Д. 604. - Л.2.
9. ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 1. - Д. 1927. - Л.1.
10. ГАБО. – Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 24-26.
11. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 5.- Д. 604. - Л.18.
12. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 5. - Д. 604. - Л. 71.
13. Аліферук, І.І. Праблемы добраўпарадкавання г. Брэста ў міжваенны перыяд / І.І. Аліферук // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста: У 2-х кн. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – Кн.1. - С. 241-243.

14. Вавренюк, И.И. Политика польских властей по вопросу исторической застройки Бреста -над -Бугом (1921-1939гг.) / И.И. Вавренюк // Содружество наук. Барановичи -2011: материалы VII Международной научно-исследовательской конференции молодых учёных, 19-20 мая 2011г., г. Барановичи: в 2-х ч. - Барановичи: РИО БарГУ, 2011.-Ч.2. – С. 9 – 10.
15. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1 – Д. 3079. – Л. 3 - 8.
16. ГАБО. Ф. 1. - Оп. 1. –Д.11. – Л. 10 - 11.
17. Вавренюк, И. Демографические процессы еврейского населения Полесского воеводства (1921-1939) / И. Вавренюк // Тирош - труды по иудаике. – М., 2011. – Вып. 11. – С. 135 -149.
18. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки», 1987. – С. 80 – 81
19. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.:С.В. Марцелов (гл.ред.) [и др.] – Мн.: БелСЭ, 1990. – С. 71.
20. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 2390. - Л. 2 - 2об.
21. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1 – Д. 3079. - Л. 4 -5.
22. Po żydowsku: tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze / pod red. Daniela Kalinowskiego; Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Adres wyd. Słupsk : Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2005. – S. 61-71.
23. ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 3. - Д. 3204. - Л. 2.; ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 3. - Д. 3203. Л. 1.
24. Вавренюк, И.И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста – над – Бугом (1921 – 1939 гг.) / И.И. Вавренюк // III Международная научно - практическая Интернет – конференция студентов и аспирантов «Энергия науки» (Ханты – Мансийск) / Отв. ред. А.С. Змановская, И.С. Балов [Электронный ресурс]. – Ханты-Мансийск: Изд. Югорского гос. университета, 2013.- 1 электрон. опт. диск – С. 36-39.
25. ГАБО. - Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 3079. – Л. 3.
26. ГАБО. – Ф. 93.- Оп.1. - Д. 3079.- Л. 8.
27. ГАБО. – Ф. 93.- Оп.1. - Д. 3079. – Л. 8.
28. Вавренюк, И.И. Развитие промышленности Полесского воеводства (1921 – 1939 гг.) / И.И. Вавренюк // IV межвузовская научно – методическая конференция молодых учёных, 15 – 17 мая 2002 г.: сб. материалов. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2002. - С. 53 – 54.
29. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1.-Д. 3079. - Л. 11.
30. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 895. - Л. 7.
31. ГАБО. - Ф. 93.- Оп. 1. - Д. 46. - Л. 22.
32. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 895. - Л.45.
33. ГАБО. - Ф. 93. - Оп.1. - Д. 51. - Л. 24.
34. ГАБО. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 2931. - Л. 1.
35. Науменко, В.Я. Брест. Историко - экономический очерк / В.Я. Науменко / . Минск, 1977. - С. 78.
36. ГАБО. Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 3079. - Л. 8.
37. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки», 1987. - С. 21 – 22.
38. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 42 - 44.
39. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 13-46.
40. ГАБО. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 193. - Л. 12.
41. Станция конечная - Бронная Гора // Вечерний Брест. – 1996. - №2. – С. 8.
42. ГАБО. – Ф. 93. –Оп. 1. – Д. 44. - Л. 45-50.
43. ГАБО. - Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. - Л. 50 – 52.
44. ГАБО. - Ф. 5. – Оп. 1. - Д. 859. - Л. 2.
45. ГАБО. - Ф. 5. – Оп. 1. - Д. 1298. - Л. 3.
46. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. – Д. 3079. - Л. 9-11.
47. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно.- Ф. 8. – Оп. 2. - Д. 404. - Л. 9.
48. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1.-Д. 3079. - Л. 11.
49. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 1217. - Л. 243.
50. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 3079. - Л. 10.
51. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1217. - Л. 243.
52. ГАБО. - Ф. 1.- Оп. 4. - Д. 1207. - Л. 74.
53. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1226. - Л. 4.
54. Воробей, А.В. Особенности архитектуры Бреста межвоенного периода / А.В. Воробей // Вестник Белорусской академии архитектуры.- 2003. - № 2. – С. 13.